

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

А. И. Першиц

ПОХИЩЕНИЕ НЕВЕСТ: ПРАВИЛО ИЛИ ИСКЛЮЧЕНИЕ?

Брак и основанная на нем семья принадлежат к числу важнейших человеческих ценностей. Отсюда оживленные споры о путях совершенствования этих социальных институтов, прогнозы футурологов об их близком и отдаленном будущем. И отсюда же давний интерес к истории брака и семьи, их универсальным, общим для всего человечества, и нечастым, своеобразным формам. Развитию форм брачно-семейных отношений посвящена в своей значительной части книга Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», в которой обобщены имевшиеся в распоряжении науки конца XIX в. факты и показаны главные тенденции развития этих отношений. В ней же обращено внимание на многие из связанных с этим вопросов, оставшихся открытыми.

Немало таких не решенных до конца вопросов продолжает стоять перед учеными и сегодня. В их числе вопрос о том, в какой исторической последовательности складывались обычаи, кладущие начало браку, т. е. форма его заключения.

В наше время у всех народов развитых стран браки, как правило, заключаются по договоренности между самими полюбившими друг друга людьми. По-другому и не может быть: ведь не только в социалистическом, но и позднекапиталистическом обществе взрослые члены семьи не подчинены ее главе и располагают свободой собственных действий. Конечно, семья семье рознь — в каждой свои материальные обстоятельства, свои складывающиеся характеры и многое другое. Даже в нашем обществе можно найти такие авторитарные семьи, где молодые люди покорны родительской воле, но не эти семьи, как говорится, делают погоду.

Не то у народов некоторых развивающихся стран, с их еще сохраняющимися остатками феодальных и других архаических отношений. У них пока живы традиции патриархального семейного уклада, освещенных обычаями и законами привилегий и психологического всевластия главы семьи. Здесь если не все, то уж во всяком случае большинство браков заключается по договоренности не столько между женихом и невестой, сколько между их родителями. Это и понятно: у многих из таких народов еще преобладает покупной брак, а плату за невесту вносит отец жениха.

Там, где еще жив патриархальный семейный уклад, существует обычно также еще одна форма заключения брака — похищение девушек. Девушку могут украсть, если ее семья не дает согласия на брак или если выкуп за нее слишком высок. Таким образом, похищение по большей части служит как бы клапаном, регулирующим эмоциональ-

ный перегрев в обществах с деспотической структурой семьи и куплей-продажей невест. По большей части — но не всегда. Иногда понравившуюся девушку крадут против ее воли, иногда умыкают просто из молодчества.

В какой же исторической последовательности располагаются различные формы заключения брака? Ясно, что как построенная на патриархальной основе семья предшествовала современной эгалитарной, т. е. предполагающей равенство всех ее взрослых членов, так и браки по договоренности родителей, как правило предшествовали бракам по договоренности самих женихов и невест. Но так или иначе, в обоих случаях это браки по договоренности, или, как называют их в этнографии, по сговору. Однако не предшествовали ли бракам по сговору браки похищением, умыканием? На этот счет имелись, да и сейчас еще встречаются, разные мнения¹.

Интерес к ранним формам заключения брака возник более столетия назад. И с самого начала в науке, в художественной литературе, среди всех, кого занимало прошлое человечества, господствовало убеждение, что древнейшей из таких форм было похищение невест, только позднее уступившее место открытой договорной форме. Это убеждение со временем все более укреплялось, так как доводы в его пользу не убывали, а множились. Не станем останавливаться здесь на историографии вопроса — она огромна — и перейдем сразу же к приводившимся в литературе доводам.

Первая группа доводов — сами похищения невест, известные наряду с договорными браками у множества народов мира на самых различных ступенях их развития. Чтобы не ходить далеко, вспомним свидетельство нашей начальной летописи — «Повести временных лет». Только у одних полян, пишет летописец, киевский монах, существовал настоящий брак, а у других племен браки в его понимании этого слова не было. Древляне «умыкаху у воды девица», вятичи же, радимичи и северяне устраивали «игрища межю селы» и тут «умыкаху жены себе с нею же кто съвещашеся»². Об этих скупых строках много спорили. Одни усматривали в них указания на настоящее похищение невест как против их воли (т. е. прямой разбой), так и по уговору с ними (т. е. тоже разбой, допускавший, по понятиям того времени, по отношению к родне девушек). Другие считали, что летописец имел в виду лишь распространенные за пределами полянского мира символические свадебные обряды. Этот спор очень важен, и дальше мы увидим почему. Пока же отметим, что обряд обрядом, но дело, несомненно, не обходилось и без настоящих похищений с согласия или без согласия девушек. Они оставались известными на протяжении всего русского средневековья, что и заставило великого реформатора Петра I изъять дела о похищении невест из ведения духовных судов и в целях большей эффективности поручить их общим судебным местам (т. е. общегосударственным судам). Тем не менее даже в XIX в. в отдаленных губерниях России браки «уходом», «убегом», «уводом», «воровской свадьбой» были не так уже редки, и, как свидетельствует вся классическая художественная литература, являлись своего рода модой в среде гусарствующих дворян. Такая же картина наблюдалась и в соседних славянских странах. В Польше, в Чехии, в Болгарии, в Сербии — повсюду средневековые законодательные акты вынуждены были грозить похитителям невест карами и даже (как в Польше) разрешали безнаказанно убить человека, умыкнувшего девушку против ее воли.

Не будем множить примеры. Похищение девушек в той или иной форме было известно всем народам мира — от первобытных аборигенов Австралии до европейцев нового времени. Правда, не было и нет

¹ Ср., например: *Здоровега Н. І.* Нариси народної весільної обрядовості на Україні. Київ, 1974 и *Чистов К. В.* Типологические проблемы изучения восточнославянского свадебного обряда. — В кн.: Проблемы типологии в этнографии. М.: Наука, 1979.

² Повесть временных лет. М.—Л., 1950, т. 1, с. 15.

сколько-нибудь надежных доказательств преобладания похищения по сравнению со сговором. Но этому никогда не придавалось большого значения. Со времен эволюционизма один из распространенных в этнографии приемов — располагать все исторические явления от простых к более сложным, от неупорядоченных к упорядоченным. А с этой точки зрения одного факта существования умыкания в глазах многих достаточно, чтобы утверждать: похищение невест — древнейшая и некогда единственно известная форма заключения брака.

Есть, однако, и другая группа доводов, к тому же, казалось бы, куда более убедительных. Это традиционный свадебный обряд практически всех народов мира. Он включает в себе множество так называемых антагонистических элементов — взаимно враждебных (наступательных или оборонительных) действий невесты и ее стороны и жениха и его стороны. Проявления свадебного антагонизма различны: от прямых столкновений на одних ступенях общественного развития или у одних народов до символического насилия и сопротивления на других. Но они всегда недвусмысленно выражены и хорошо известны в этнографии.

У австралийских аборигенов невеста всячески подчеркивает свое нежелание идти в приготовленную для новобрачных хижину, и жених как бы тащит ее силой. У части банту жених, даже обо всем договорившись и уплатив брачный выкуп, должен увести невесту насильно, а ее родители оказывают ему сопротивление. У ительменов, по одному из старинных сообщений, жених селится подле родителей невесты и «служит им пуще холопа», после чего просит разрешения «хватать невесту». Получив согласие, он ждет случая, чтобы напасть на девушку, так как теперь она находится под охраной всего женского населения поселка. «Ее охранительницы немилосердно бьют жениха, таскают за волосы и царапают лицо, употребляя все средства, чтобы не дать ему схватить невесту... В большинстве случаев жениху не удается добиться сразу своей цели, он предпринимает свои попытки схватить невесту неоднократно, причем проходит иногда целый год, а нередко и больше года. После каждой попытки жениху приходится некоторое время набираться сил и залечивать раны»³. У ненцев, по такому же сообщению, невеста, как только ее родители приходят к соглашению со сватами, опрометью выбегает из чума, а сваты ее ловят, хватают, бросают на нарты и отвозят к жениху.

Те же антагонистические черты встречаем мы в свадебных обрядах народов, стоящих на пороге цивилизации или даже давно его переступивших. В Спарте жениху полагалось уносить сопротивлявшуюся невесту на руках. В древнем Риме жених должен был вырвать ее из объятий матери и перенести через порог своего дома, а на простонародных, плебейских свадьбах — ворваться в дом невесты и увести ее насильно. У кельтов или по крайней мере их части свадебный обряд включал в себя церемонию сражения между свитой жениха и свитой невесты, а также церемонию бегства невесты, которую надо было догнать и схватить. О саках, этих среднеазиатских скифах, античные авторы рассказывали, что у них на свадьбе жених должен бороться с невестой. Нечто подобное сохранилось в традиционном свадебном обряде некоторых народов Средней Азии, у которых жених должен догнать скачущую верхом невесту и отобрать у нее связанного козленка или ягненка. У них же, а также у многих народов Кавказа дети, а подчас и взрослые встречали приехавших за невестой бранью, камнями и даже выстрелами, а в комнате невесты на них набрасывались женщины с ножницами, булавками и другими острыми предметами. Так, у осетин приехавшие за невестой подвергались нападению мальчишек, а у адыгов — всей молодежи селения, которая была их жердями как врагов.

Очень много антагонистических элементов в традиционном свадебном обряде восточнославянских народов. Они давно изучены этногра-

³ Крашенинников С. Описание земли Камчатки. М.: Огиз, 1948, с. 217.

фами и фольклористами⁴. Важнейшие из них: преграды перед воротами дома невесты, которые надо преодолеть или «выкупать проезд»; состязания между всадниками в стрельбе во время свадьбы; обыкновение переносить невесту через порог дома жениха; вооруженная охрана молодых в первую брачную ночь; заучивность свадебных песен вообще и песен-жалоб невесты в частности во многих областях России. Сюда же относятся и следы свадебного единоборства жениха и невесты, подобного уже упоминавшемуся у других народов: это состязание Добрыни Никитича с Настасьей Микулишной в русских былинах. Вспомним теперь споры о строках «Повести временных лет». Хотя теми, кто отстаивал обрядовую трактовку упоминаний летописи, руководили далекие от науки мотивы, а именно желание оградить славянские племена от «обвинения» в варварских обычаях, похоже что монах-летописец действительно скорее всего имел в виду не существо, а форму, стало быть, не обычаи, а обряды.

Подобные черты в свадебной обрядности народов мира заставили ученых задуматься об их истоках. Конечно, все это можно было объяснить парадоксами социальной или этнической психологии — действительной или показной стеснительностью девушек, выдаваемых замуж, демонстрацией их нежелания расставаться с родными, а родных — с ними. Что-то от таких психологических мотивов и в самом деле бывало всегда и нередко сохраняется до сих пор. Но очень уж преувеличенными выглядят описанные демонстрации. Проще и, казалось бы, логичнее было заключить, что обрядовые коллизии должны были возникнуть в условиях повсеместного и полного господства обычая похищать невесту. К этому заключению и пришли. Обычай исчез, но обряд сохранился, писал один из видных знатоков сравнительной этнографии, М. М. Ковалевский, прилагая к данному частному случаю одно из общих правил истории культуры.

Между тем вокруг вопроса об историческом соотношении форм заключения брака стало забываться нечто вроде идейной борьбы. Некоторые сторонники приоритета «воровской свадьбы» как универсального брачного института связали ее распространение с упадком первобытного коллективизма, с переходом от группового брака к индивидуальному и от матриархата к патриархату. Однако на рубеже прошлого и нынешнего столетий появилось немало противников развитой передовыми учеными теории первобытного коллективизма, которые стали искать несообразности у ее сторонников. Вообще-то их успехи были невелики, но вот в трактовке похищения невест и антагонистических элементов свадьбы они неожиданно обнаружили много противоречий и заставили взглянуть на дело по-другому. Больше всех для этого сделал автор знаменитой в свое время книги «Мистическая роза» Э. Кроули (откуда, заметим кстати, заимствованы некоторые приводимые здесь примеры).

Жизнь первобытного общества, рассуждал этот ученый, одновременно и глубоко расчленена, и недостаточно дифференцирована. Первое сказывается, в частности, в том, что мужчины и женщины, занимая разное место в системе естественного разделения труда, резко обособляются друг от друга и становятся как бы замкнутыми кастами. И действительно, современному человеку трудно себе представить, как далеко заходило подобное обособление. У мужчин были свои тайные ритуалы, мифы, подчас даже «языки», у женщин — свои; мужчины нередко жили отдельно, женщины — отдельно. Второе проявляется, в частности, в том, что все без исключения действия первобытного человека имеют для него также и религиозное значение. А поэтому они и воспринимаются как чреватые особым рода опасностями, против которых должны приниматься защитные меры, в том числе вводиться раз-

⁴ *Сумцов Н. Ф.* О свадебных обрядах, преимущественно русских. Харьков, 1881; *Охримович В.* Значение малорусских свадебных обрядов и песен в истории эволюции семьи. — *Этнографическое обозрение*, 1891, № 4, 1892, № 4; *Довнар-Запольский М. В.* Белорусская свадьба в культурно-исторических пережитках. — Там же, 1893, № 1, 2, и др.

личные запреты, табу. Слияние обеих линий порождает запреты на любые виды общения между мужчинами и женщинами — так называемые половые табу. С этой точки зрения интимное приобщение к противоположному полу — вступление в брак — является, во-первых, изменой людям своего пола, а во-вторых, грубым нарушением табу. Как бы мы сказали современным юридическим языком, вступление в брак — источник повышенной опасности. Грозные последствия этого поступка необходимо как-то нейтрализовать. Вот этой-то цели и служит свадебный обряд якобы насильственного похищения, помогающий сбавить силы, карающие за нарушение табу, и превозмочь собственный страх перед карой за нарушение. Таким образом, похищение действительно является правилом, но это похищение не у родных, а у касты лиц другого пола: мужчиной — у женщин, женщиной — у мужчин⁵.

С этой позиции можно объяснить не только уже известные, но и не замеченные ранее или остававшиеся в стороне факты. Оказалось, что у многих народов в свадебном обряде имеются элементы, призванные нейтрализовать опасность также и для женихов. У африканцев-бечуа на жених бросает в хижину нареченной стрелу. У римлян жених расчесывал волосы невесты копьем, у многих других народов ее свадебное покрывало снимают каким-нибудь острым орудием или предметом, способным испугать (в традиционной русской свадьбе нередко кнутовищем). Само свадебное покрывало — способ предотвратить пагубное взаимное воздействие при первых контактах, пока не будут приняты магические меры предосторожности. Мало того. Известны свадебные обряды, при которых в свадебное помещение несут или тащат не невесту, а жениха (андаманцы, зулусы) или же их обоих (многие индейские племена Южной Америки). Есть и такие, когда похищают не невесту, а жениха (в некоторых племенах тех же южноамериканских индейцев). Другое дело, что чаще все же похищают невесту и именно ее сторона является в большинстве случаев обороняющейся в свадебных коллизиях. Как-никак женщины — более слабый пол, и психологически они больше нуждаются в защитных обрядах снятия полового табу.

Разумеется, изложенное объяснение несколько абсолютизирует религиозную сторону жизни первобытного человека, сводя к ней одной все антагонистические черты свадебного обряда. Противники теории первобытного коллективизма сознательно ушли от вопроса об исторической последовательности материнского и отцовского родового строя, имеющего большое значение для понимания древнейшего прошлого человечества. На деле характер свадебных антагонизмов во многом зависел и от характера этого строя, в частности от того, где селились новобрачные, т. е. от локализации брачного поселения. Похищение именно невест, а не женихов как лейтмотив свадебной обрядности большинства народов мира связано с тем, что в свадьбе отразилось преимущественно поселение в доме мужа или его родителей, сменившее более раннее поселение в доме жены или ее родителей. По мнению части советских ученых, одно это изменение локализации брака, независимо от половых табу, стало причиной возникновения антагонистических свадебных обрядов⁶. Но так или иначе взгляд на свадебные коллизии как на доказательство приоритета и былой универсальности брака похищением оказался лишенным фактической базы.

⁵ *Crawley E.* The Mystic Rose, a Study of Primitive Marriage. London, 1902, русск. пер.: Краулей Э. Мистическая роза. Исследование о первобытном браке. СПб., 1905. Кроули не рассматривает половые табу, касающиеся добрачных и внебрачных связей, что, казалось бы, несколько ослабляет его концепцию. Однако здесь надо принять во внимание своеобразие архаичной логики: вся сила стремления нейтрализовать опасность могла быть сконцентрирована на самом стабильном и длительном из нарушений половых табу — вступлении в брак.

⁶ *Казаков Е. Г.* Состав и происхождение свадебной обрядности. — Сб. Музея антропологии и этнографии. Т. VIII. Л., 1929; *Косвен М. О.* Примечание 8 к кн.: *Ковалевский М.* Происхождение и развитие семьи и собственности. М.: Огиз, 1939; *Кисляков Н. А.* Семья и брак у таджиков. М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1959.

Остались сами реальные похищения. Были ли они древнейшей и когда-либо универсальной формой заключения брака? Чтобы ответить на этот вопрос, посмотрим, как широко они были приняты в первобытном прошлом или позднее.

Во всех первобытных и даже в некоторых докапиталистических классовых обществах преобладала система так называемых предпочтительных браков, при которой выбор жениха или невесты в большой степени определялся их принадлежностью к той или иной категории родственников. Мужчины и женщины вступали в брак не с тем, с кем хотели, а с кем это было предназначено самим фактом рождения. В родовом обществе наибольшее распространение имели браки с дочерью брата матери или с дочерью сестры отца (кросскузенные браки). Поскольку в этих случаях брачные партнеры принадлежали к разным родам, такие браки не нарушали правила заключения браков вне рода — родовой экзогамии, а позднее экзогамии других родственных коллективов. С разложением родового строя у многих народов значительное распространение получили браки с дочерью брата отца (ортокузенные браки), так как при этом плата за невесту не выходила за пределы близкородственной группы. Существовали и другие виды предпочтительных браков: женитьба на двух сестрах, а позднее на сестре умершей жены (сорорат), брак с братом умершего мужа (левират), люлечное обручение, обменные браки и т. п. Система предпочтительных браков оставляла не так уже много места свободному брачному выбору, а значит, и похищению невест.

Однако так обстояло дело только в пределах своего племени или сходной общности людей. За их пределами похищение было в принципе возможно и действительно практиковалось на деле, однако лишь в дополнение к предпочтительным бракам. Племена, у которых похищение невест вытеснило заключаемые по сговору предпочтительные браки, не известны, хотя и известны племена, в которых похищение получило заметное распространение.

В основе этой практики, как чаще всего бывает, лежали экономические мотивы. До изобретения земледелия и скотоводства, обеспечивших относительно постоянные запасы пищи, человечество жило менее надежными занятиями — охотой, рыболовством, собирательством. Здесь почти все зависело от милостей природы, и к одним племенам она была милостива, а к другим нет. У тех, которые оказались в самых неблагоприятных, экстремальных условиях, пищи могло хронически не хватать, и им приходилось регулировать свои «демографические ресурсы». А поскольку в охотничье-рыболовческом хозяйстве мужчины нужнее, чем женщины, в таких племенах подчас умерщвляли часть новорожденных девочек. И когда позднее ощущалась нехватка невест, их похищали в других племенах.

Причинно-следственная связь здесь не обязательно была жесткой. В силу традиции похищение невест могло сохраняться и после того, как исчезло умерщвление девочек, а оба эти обыкновения или одно из них — и после того, как племя освоило земледелие и получило более надежные источники существования. К тому же умерщвление девочек не обязательно влекло за собой похищение невест: например, американские эскимосы оставляли в живых только часть девочек, но выходили из положения, прибегая к многомужеству. Однако некоторые племена все же восстанавливали «демографическое равновесие» за счет похищения невест во время военных столкновений. Одно из таких племен — яноама Южной Америки, известные своей воинственностью и частыми нападениями на соседей. Итальянский ученый Э. Бюкка записал воспоминания бразильской девушки, которая сама попала в плен к яноама, прожила среди них много лет и часто упоминает о похищенных ими женщинах⁷. И все же, как утверждают другие изучавшие это племя исследователи, преобладали в нем не грабительские, а нормальные предпочтительные браки.

⁷ Бюкка Э. Яноама. М.: Мысль, 1972.

Можно думать, что в предклассовых и раннеклассовых обществах похищение невест стало практиковаться чаще, чем в первобытности. В эпоху разложения родового строя сделалась менее жесткой, а у части народов вообще исчезла система предпочтительных браков — значит, она переставала или перестала связывать брачный выбор. Участились военные столкновения из-за начавших накапливаться богатств — значит, расширилось поле действий для насильственных похищений. Правда, в войнах и набегах чаще захватывали рабынь-наложниц, но некоторые из них становились и законными женами. А главное, на закате первобытного общества индивид впервые стал в какой-то степени освобождаться от всевластия традиций, от связывающего его мысли и поступки традиционалистского восприятия мира. Следовательно, возникли более благоприятные условия для нарушения брачных обычаев и похищения невест у их родни по соглашению между самими молодыми людьми. Есть даже сообщение, что у некоторых народов Южной Сибири — хакасов, северных алтайцев — похищение в такой форме временами преобладало над сговором⁸. Но единичное сообщение никогда не рассматривается как достоверное, а действительно надежных свидетельств преобладания в эту пору грабительских браков над договорными по-прежнему нет.

Для полноты картины нужно сказать о еще одной появившейся вместе с имущественным расслоением разновидности похищения невест — по согласованию не только между молодыми людьми, но и между родней обеих сторон. Этот, казалось бы, непонятный обычай на самом деле имел глубокий экономический смысл. Он освобождал обе стороны от части обременительных расходов, неизбежных при браке по сговору, в частности от расходов по сватовству. Такая разновидность похищения была известна, например, в средневековой Болгарии, а у некоторых народов Кавказа известна до сих пор. Внешне она не отличается от других разновидностей похищения: в одних случаях жених и невеста уходят тайком, в отсутствие родных девушки; в других — ее близкие, хотя и знают заранее о дне и часе ухода, выбегают, зовут на помощь, инсценируют неудачную погоню, а затем примирение и, наконец, устраивают скромную свадьбу. Это очень своеобразная разновидность похищения, имеющая мало общего с другими. Ее обычно называют фиктивным похищением и даже сближают с символическим похищением в свадебном обряде. Поэтому то обстоятельство, что и сейчас есть народы (скажем, адыгейцы или чеченцы), у которых такая форма заключения брака преобладает⁹, не может быть принято во внимание при оценке распространенности настоящего похищения.

Итак, правило или исключение? При решении этого вопроса лучше избегать той категоричности, с которой отвечали на него в прошлом. Похищение не могло быть древнейшей формой заключения брака, потому что сам этот институт возник как предпочтительный брак по сговору. Вместе с тем допустимо полагать, что в истории похищения невест был своего рода «пик» — эпоха предклассовых и раннеклассовых обществ, когда редкие до этого похищения без согласия или с согласия девушки участились. Участились — и вошли в предания многих народов, повествующие о захвате прекрасных пленниц и создающие иллюзию универсальности браков похищением. Но на деле вытеснить браки по сговору у сколько-нибудь широкого круга народов и в сколько-нибудь широких масштабах они не смогли. А раз так, то правомерен вывод: реальное, а не символическое или фиктивное похищение невест всегда занимало сравнительно скромное место в развитии форм заключения брака.

⁸ Старынкевич И. Д. Формы заключения брака у турецких племен Сибири и кочевников Средней Азии. — Сб. Музея антропологии и этнографии. Т. IX. Л., 1930.

⁹ Смирнова Я. С. К типологии обычаев умыкания (по материалам народов Северного и Западного Кавказа) — В кн.: Проблемы типологии в этнографии. М.: Наука, 1979.